

Религиоведение. 2020. № 2. С. 15–22
Religiovedenie [Study of Religion]. 2020. No. 2. P. 15–22.

DOI: 10.22250/2072-8662.2020.2.15-22

Евтехов Р.А.

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские горы, 1
lib-lab-scan@mail.ru*

Институты церкви и полиции в поддержании городского благочиния XVIII–XX вв. (на примере г. Верхнеудинска)

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы взаимодействия полиции и церкви уездного города Верхнеудинска в сфере защиты православной морали и благочиния. Церковь, как и полиция, в контексте общей политики регламентации государством частной жизни общества была наделена основными функциями поддержания правопорядка в обществе. Автор, используя архивные материалы, приводит ряд сюжетов для характеристики основных направлений совместной деятельности этих двух институтов. Особую важность взаимодействие полиции и духовной власти имело для сохранения православной морали и этических норм, присущих данному историческому периоду. В рамках этих задач полиция имела достаточно полномочий для сохранения влияния священнослужителей и православия как основы идейного содержания общества. Оба этих ведомства вмешивались в частную жизнь общества, регламентируя исполнение необходимых церковных мероприятий, интимную жизнь и так далее. В случае отказа отдельных лиц от исполнения обязательных постановлений следовали меры репрессивного характера, которые вызывали определённого рода протесты и сопротивления. По мнению автора, церковь, как и полиция, была бюрократическим ведомством, действовавшим в интересах правящей власти.

Ключевые слова: городская полиция, история Верхнеудинска, духовное правление, комендант крепости, Иркутская губерния, взаимодействие светской и духовной власти, Иркутская духовная консистория

Roman A. Evtekhov

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie gory st., Moscow, Russia, 119991
lib-lab-scan@mail.ru*

The Institutions of Church and Police in the Maintenance of Urban Decorum in the 18th – 20th Centuries (on the example of Verkhneudinsk)

Abstract. The paper discusses the interaction of the police and the church of county town of Verkhneudinsk in the protection of Orthodox morality and decorum. The church, like the police, in the context of common policy by the state regulation of private society, was endowed with the basic functions of maintaining law and order in society. By using archival materials, author results in a number of subjects for the characteristics of the main directions of joint activities of the two institutions. The special importance of the interaction of police and spiritual power was the preservation of Orthodox morality and ethics inherent in the historical period. Within the framework of these tasks, the police provided a sufficient level of authority to preserve the influence of the clergy and Orthodoxy as the basis of the ideological content of society. Both of these authorities intervened in the private life of the society, regulating the execution of necessary church activities, private life and so on. In case of failure of individuals to perform the mandatory regulations, there were repressive measures, which caused some kind of protest and resistance. According to the author, the church on equal terms with the police was a bureaucratic agency, acting on behalf of the ruling power.

Key words: city police, history of Verkhneudinsk, church administration, commandant of the fortress, Irkutsk Province, interaction of secular and spiritual power, Irkutsk spiritual consistory

Для России XVIII век – время утверждения абсолютной монархии. Обладающая специфическими чертами, молодая империя за своё стремление к повсеместному контролю общества в ряде исследований определяется как полицейское государство. Одной из важных черт, дающих право исследователям представлять Россию именно в таком ключе является вмешательство власти в сферу духовной и интимной жизни общества, что особенно ярко проявилось на протяжении XVIII–XX столетий. Российская империя в этом отношении не была уникальна, те же черты обнаруживались в западноевропейских странах.

В ходе становления абсолютизма в России Русская Православная церковь (РПЦ) была лишена автономного управления (упразднено патриаршество) и подчинена светской власти. Церковь, имевшая существенное влияние на светскую власть, до начала XVIII в. была полностью удалена от возможности реального влияния на управление. Став частью государственного аппарата, она подчинилась его интересам и устремлениям. Для контроля такого мощного идеологического и экономического института был создан Святейший синод. Православие стало официальной идеологией государства, его ресурсом и, как следствие, находилось под его защитой.

Лояльность к РПЦ должны были выказывать не только городские власти, полиция, но и высший управленческий корпус – губернаторы [Кальмина, 2016, 46]. Получая покровительство губернской власти, церковь, в свою очередь, была подотчётна в финансовых и некоторых других вопросах. Закреплённая среди властных институтов, церковь стала закостенелым и, по мнению некоторых современников, опасным рычагом государственного контроля и управления. С.Ю. Витте в своих воспоминаниях в начале XX в. написал: «У нас церковь обратилась в мёртвое, бюрократическое учреждение, церковные служения – в службы не Богу, а земным богам, всякое православие – в православное язычество. Вот в чём заключается главная опасность для России» [Витте, 1922, 329].

В полной мере взаимодействие церкви и светской власти в вопросах укрепления государственности прослеживается на приграничных окраинах империи. Часто союзником церковных органов в поддержании нравственного порядка в городах оказывалась полиция. Регулярные органы полиции в городах Российской империи появились существенно позднее регулярного административно-церковного управления. Отчасти в этом можно увидеть и то, что растущее население городов стало менее послушным церковным указаниям. Подтверждением этого стало включение церкви как особого предмета охраны в действительные инструкции полиции, в частности, «Устав благочиния» 1782 г. Важной особенностью полицейского контроля в Российской империи была не столько защита граждан и их имущества, сколько сохранение общей тишины и внешнего порядка – благочиния. Это выразилось в основных статьях важнейших документов о деятельности полиции: «Устав благочиния» (1782 г.); «Учреждение для управления Сибирских губерний» (1822 г.), «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» (1845 г.), «Устав предупреждения и пресечения преступлений» (1876 г.). В них прямо указывается на необходимость поддержания тишины и порядка (благочиния) методами предупреждения и пресечения, об охране интересов граждан говорится мало.

Православная мораль, занимавшая доминирующие позиции в мировоззрении общества, оказывала серьёзное влияние на полицейское законодательство Российской империи. Это отразилось в 11 пунктах «правил добронравия», пронизанных христианской этикой, в «Уставе благочиния» (1782 г.), которые составили существенную часть общего понятия благочиния. Согласно «Уставу предупреждения...» (1876 г.), деятельность полиции распространялась на все стороны жизни общества. При этом роль духовного компонента в этом документе занимала существенное место, так как почти треть устава посвящалась защите православной религии и её монопольному праву на деятельность в государстве.

Верхнеудинская городская полиция появилась после учреждения в 1765 г. комендантской канцелярии во главе с комендантом секунд-майором И.С. Мертвцовым. С 1798 г. в городе был сформирован самостоятельный штат городской полиции, преобразованный в окружное полицейское управление в 1867 г. Духовное правление Верхнеудинска было создано, вероятно, только в последней трети XVIII в.

До этого времени оно располагалось в г. Селенгинске, но с утратой городом уездного статуса было передано в Удинск (Верхнеудинск).

15 января 1727 г. были созданы Иркутская и Нерчинская епархии. Верхнеудинское духовное правление в конце XVIII в. находилось при Одигитриевской соборной церкви в деревянном здании из двух помещений (комнат). В середине XIX в. все духовные правления за исключением Читинского, которое в конце века было преобразовано в Забайкальскую духовную консисторию, были упразднены.

Взаимодействие полиции и духовного правления (церкви) касалось в основном вопросов общественной морали, преступности и «дерзостного» отношения к священникам и церкви в целом. Одним из средств наблюдения за порядком и предотвращения бесчинств городской полицией были дневные и ночные обходы города. Очевидно, что теми же методами пользовались священники. В августе 1816 г. к городничему через причётчика¹ обратился благочинный священник Кузнецов, который, посетив дом рабочего Худикова, обнаружил стоящих в ряд с иконами «глиняных кукол и истуканов», поставленных для украшения дома [ГАРБ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 518. Л. 136–136об, 178]. При этом священник жаловался на дерзостные и укоризненные слова в свой адрес, за что Худяков был арестован городничим, а по освобождению ему было предписано просить прощения у «обиженного» священника. Не получив удовлетворения, священник обратился к городничему с повторной просьбой принудить Худикова принести извинения. Священники такими обходами контролировали паству и её приверженность православию. Полиция в этом отношении гарантировала неприкосновенность церкви и вынуждала общество почтительно относиться к священникам, что не могло не вызывать ещё большей неприязни к церкви. К слову, обязательные атрибуты православной веры были широко распространены не только в жилых домах обывателей, которые позволяли им избавиться лишних подозрений. Все описи казённого имущества присутственных мест начинались непременно с перечисления хранящихся в них икон, крестов, лампадок. Это свидетельствует о проявлении обязательной лояльности к православной церкви и проводимой в этом направлении государственной политики.

Подтверждать свою преданность церкви были обязаны не только рядовые горожане, чиновники, но и воинские чины. Об этом свидетельствует распоряжение коменданта И.А. Аппелгрейна, последовавшее в марте 1773 г., накануне празднования Воскресения Христова (Пасхи) [ГАРБ. Ф. 88, Оп. 1. Д. 108. Л. 31]. В день празднования всем батальонным служителям, «нерегулярной команде», нижним чинам и «господам офицерам и унтер-офицерам» рекомендовалось быть в чистой одежде и опрятности. Последним предписывалось привести к церковной службе нижних чинов, а до того времени всем читать военный артикул и прочие указы. Полиции необходимо было следить за тишиной, предотвращать драки и шум, следить за уличной чистотой, вести дневной и ночной обход по городу и выискивать праздновающихся. Такими профилактическими мерами обеспечивалось общее благочиние в городе и подчинённость всего общества «железному» распорядку. Подобные распоряжения от коменданта поступали в преддверии каждого воскресенья, когда всем военным сообщалось о недопустимости в этот день казённых работ и рекомендовалось придерживаться вышеописанного распорядка дня. По мнению правительства, строго расписанный распорядок дня и обязательных дел способствовали тому, что у низших чинов сокращалось свободное время для пьянства, драк, карточных игр и развлечений, последнее само по себе уже считалось злом.

Одной из важнейших задач, как православной церкви, так и полиции была забота о чистоте информации. Публикацией официальных распоряжений и указов от губернского правления занималось городничее правление или полиция. Правительственные документы, подлежащие объявлению «во всенародное услышание», провозглашались и вывешивались вблизи церковей. Сведениям, опубликованным из других источников, согласно указу правительствующего сената, рекомендовалось не доверять [ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 144. Л. 284]. В Верхнеудинске основной массив документов для всенародного опубликования поступал из Иркутского губернского правления. Так, коменданту А.И. Крупскому предписывалось опубликовать указ синода об установлении праздника Казанской пресвятой богородицы 22 октября

[ГАРБ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 470. Л. 89, 91]. Сообщения о значимых событиях внутри города, как освещение соборной церкви в мае 1785 г., рассылались по отдельным присутственным местам и «всенародно оглашались» городскому населению [ГАРБ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 5876. Л. 1].

Тесное взаимодействие церкви и полиции отмечалось в области учёта естественного и миграционного движения населения. Духовные правления, занимавшиеся управлением церковной жизнью в уездах, располагались в уездных городах, направляя и контролируя работу священнослужителей по ведению метрических книг, которые, составлялись в нескольких экземплярах и были важнейшим информационным ресурсом в условиях подушного налогообложения, позволявшим оценивать объём прямых и косвенных налогов. Кроме этого, учёт в первую очередь крестьянского населения был необходим для выработки стратегии обеспечения воинских частей довольствием. Именно в этих целях в начале 30-х годов XVIII в. Забайкалье было разделено на дистрикты. Метрическая запись в условиях сословного общества играла ведущую роль в поиске и определении сословной принадлежности человека. Контролем малейших изменений населения в городе занималась городская полиция. Ежедневно квартальные надзиратели всех городов Российской империи подавали вышестоящим начальникам рапорты со сведениями о числе родившихся, умерших, а также о том, кто, какого звания и по каким надобностям прибыл в город или покинул его [ГАРБ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 506. Л. 2]. Необходимость такого детального контроля существовала в условиях полностью регулируемой бюрократическим аппаратом миграции населения из села в город, чтобы не допустить оттока самых бедных слоёв крестьянства в города. Этой мерой также удерживался достаточно невысокий уровень преступности, потому как в ходе проверок устанавливалась личность и причастность к какому-либо преступлению въезжающего или выезжающего. Не теряло своей бдительности в этом плане духовное правление. Например, своим сообщением от 1797 г. [ГАРБ. Ф. 90. Оп. 2. Д. 3. Л. 66] на имя коменданта оно информировало об обнаружении в городе рудокопца Осокина, который был направлен в Нерчинск к священнику Гробову отбывать церковное покаяние. Осокин был обнаружен в городе празднующимся, потому его требовалось выдворить из города и направить для исполнения положенного ему наказания.

Полиция и духовное правление объединялось кроме всего и общими социальными обязанностями – наблюдением за нищими и убогими, заботой о их трудоустройстве, по возможности насущном обеспечении. Об этом свидетельствует рапорт полицейского правления от 16 января 1785 г. о смерти жены отставного солдата Тарачеева, которая числилась в числе неимущих (получала содержание из пожертвований в церкви, которые опускались в специальные ящики), и по случаю смерти должна была быть вычеркнута из списка [ГАРБ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 44. Л. 18]. Освобождённое место, по рапорту полицейского правления в комендантскую канцелярию, могла занять жена умершего отставного солдата Моржавина, находящаяся «в недвижимой болезни», что было одобрено комендантом. В конечном счёте, всё это делалось за счёт всё тех же свободных и работающих горожан, щедро жертвовавших на нужды церкви.

К вопросу о социальных заботах РПЦ целесообразно привести один очень интересный сюжет конца XVIII в. [Постников, 1914, 7–8]. В городе Бежецк Углицкой провинции на средства городского общества содержалась богадельня для стариков и «несчастнорождённых детей» (незаконнорождённых). Детей приучали к христианским традициям, для чего приглашался священник, проводивший требы. За 1798 год, по сведениям бежецкого старосты, священник исполнил 55 треб в богадельне, в том числе 35 из них над «гробками» умерших детей. Однако такое частое посещение священником брошенных детей как, оказалось, щедро оплачивалось горожанами, которые в общей сложности выплатили ему за год 5 рублей 50 копеек. Для сравнения, единственная наёмная работница, заведовавшая всей богадельней, в год получала 6 рублей. При отсутствии всех прочих духовных институтов институт церкви играл достаточно важную роль в социокультурном пространстве уездного города [Паликова, 2009, 300].

«Порядочная» жизнь общества, основанная на христианской морали, была основной целью имперской идеологии, потому как нацеливала людей на тяжёлый труд, отказ от пьянства, праздного времяпрепровождения, развратной жизни и т.д. Попытки стимулирования к работе и отвращения от пьянства выразились в выписке специальных похвальных листов от губернского правления крестьянам, отличившимся усердным трудом и трезвостью. Но и на местном уровне инструкциями Удинской провинциальной канцелярии, которой была подведомственна земская полиция, в 1776 г. сельским старостам вменялось в обязанность наблюдение за ведением крестьянами порядочной, христианской жизни [Жалсараев, 2015, 48]. Одним из способов контроля её исполнения были ежегодные исповеди и причастия у священников. Важность этого, как выразился академик Н.П. Покровский, «способа поверки» [Пулькин, 2009, 162–163] подтверждается особым указанием в полицейских допросах, когда допрашиваемый был последний раз у исповеди. Посещение церковных треб было подтверждением благонадёжности человека. Это было настолько важной частью общественного благочиния, что полицейское правление отдельно сообщало коменданту о положении дел в этой области с указанием фамилии, причины и давности непосещения, в случае длительного отсутствия прихожан. Об этом свидетельствует рапорт сержанта С. Садовского из полицейского правления в комендантскую канцелярию от 10 апреля 1784 г. [ГАРБ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3. Л. 17], в котором он не только отмечает нежелание жителей Верхнеудинска причащаться и исповедоваться, но и указывает на необходимость принятия определённых мер для исправления данного положения. Исправительными мерами часто были не только увещания, но и штрафы, и прочие наказания. Учёт посещения жителями церкви был ещё одной важной стороной взаимодействия полиции и духовного правления. Собственно, уездный Верхнеудинск в данном смысле не является исключением из правил. Уменьшение числа прихожан и не посещавших исповеди горожан было общей тенденцией в развитии общества того периода в целом и Забайкалья в частности.

Вообще попытки властей контролировать морально-этическое поведение граждан с той же строгостью, что и уголовные преступления, интересный феномен. Обязанность поддержания православия возлагалась не только на полицию и церковь, но и на городское самоуправление. Так, 23 февраля 1786 г. Верхнеудинский городской магистрат сообщил коменданту об обвинении вдовы кяхтинского мещанина П. Кошкаровой в прелюбодеянии и заключении её под стражу [ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 457. Л. 1]. Согласно материалам дела, она обвинялась в прелюбодеянии с военным фураштинской команды. Через несколько дней после ареста Кошкарова приказом коменданта переведена в тюремный острог, где находилась под арестом вплоть до 30 июня года, когда бургомистр городского магистрата сообщил о вынесении решения палатой Иркутского уголовного суда. Палата уголовного суда постановила передать дело в консисторию, чтобы та приказала проживавшему в Удинске священнику учинить над обвиняемой церковное покаяние, с её освобождением из-под стражи. Об этом указом Иркутского наместнического правления было сообщено коменданту, который поспешил исполнить указание, что стало причиной курьёза. Комендант приказал освободить Кошкарову и направить к священнику, но последний не принял обвиняемую так как ещё не получил указание от Иркутской консистории. Только 8 января 1787 г. [ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 457. Л. 14], фактически через год после первоначального ареста, духовное правление приняло Кошкарову для наложения на неё церковного покаяния. Приговор к посещению и исполнению церковных обрядов в качестве наказания не всегда исполнялся, точнее от него уклонялись всеми доступными способами. Священник Попов в 1787 г. уведомил коменданта о непосещении церковных служб приговорённой к десятилетнему церковному покаянию солдатской женой В. Лифановой, которая была осуждена за прелюбодеяние и убийство собственного младенца [ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 457. Л. 28]. Солдатка была объявлена комендантом в розыск. Полицейское правление, почти сразу обнаружив Лифанову с помощью десятников, доставило её в канцелярию коменданта. Из объяснения Лифановой следовало, что всё это время она жила у солдата Лапина и из города не отлучалась, а посещать церковные службы не могла по причине болезни. Прелюбодеяние и убийство новорождённых детей было одним из наиболее совершаемых

женских преступлений, подвергавшихся тщательному дознанию, правда, чаще всего за них наказывали церковным покаянием. Даже обстоятельства рождения женщиной мёртвого ребёнка расследовались, правительство не позволяло извлекаться какими бы то ни было способами от нежелательных детей. В убийстве новорождённых чаще всего обвинялись крестьянки и солдатские жёны – то есть самый малообеспеченный слой населения.

Но не только интимная часть жизни общества интересовала полицию и церковь в качестве сферы, подлежащей регулированию, к ней относился и порядок во внутрисемейной жизни, подчинение детей родителям и т.д. Жалоба в полицию от матери или отца на сына была вполне обыденным делом. Причины разлада между родителями и отпрыском могли быть самыми разнообразными, от сожительства со служанкой [ГАРБ. Ф. 90. Оп. 2. Д. 85. Л. 61] до пьянства и «буйства» [ГАРБ. Ф. 11. Оп. 4. Д. 345. Л. 6–6об; ГАРБ. Ф. 128, Оп. 1. Д. 1314. Л. 40–42]. И при этом полиция пыталась не только наказать или увещевать ослушника, но и находила способы примирения сторон. Поддержание морального облика касалось не только рядовых слоёв населения, но и канцелярских служащих и офицеров армии. За 1843 г. полицией за пьянство были арестованы пятеро канцелярских служащих (из них один канцелярист полиции, трое земского суда, один писец окружного суда) в основном за пьянство. Где-то полиция ограничивалась выговорами и строжайшими предупреждениями, где-то воспитывала розгами, а где-то предлагала отослать предмет ссор – служанку – к родственникам или в прачки в городскую больницу.

В духовное правление поступали не только граждане, совершившие аморальные преступления. К церковному покаянию приговаривались в том числе и признанные виновными в непредумышленном убийстве [ГАРБ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 19. Л. 6]. В случае же неподчинения служителей внутри церкви нередкими были обращения в полицию или лично к коменданту, чтобы они могли авторитетно повлиять на ослушавшегося [ГАРБ. Ф. 90. Оп. 2. Д. 3. Л. 31–31об]. Таким образом, очень часто наказание за уголовные преступления осуществлялись через церковь, в то время как полиция могла по прошению церкви приводить в покорность ослушавшихся священников.

Церковь ревностно охраняла не только свою идейно-религиозную, но экономическую монополию. Согласно указу от 28 августа 1808 г. [ГАРБ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 69. Л. 1–2], в обязанность церковных старост входило наблюдение за соблюдением монопольного права церкви на ряд товаров. Так, 29 октября 1809 г. церковный староста соборной церкви В. Кулаков сообщили в полицию о том, что в торговых рядах купцом И. Налетовым ведётся незаконная продажа восковых свечей. Проверка квартального надзирателя Широковских подтвердила этот факт, указанный купец сознался в продаже, у него было изъято более 4 пудов свечей (порядка 70 кг). По закону полагалось конфискованные свечи передать в церковное владение, а купца наказать штрафом в два раза превосходящим цену свечей. Несмотря на то, что Верхнеудинский магистрат пытался отстоять интересы купечества, разрешив торговлю свечами в объёмах менее 20 фунтов [ГАРБ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 69. Л. 38], губернское правление сочло такое решение противозаконным по исключительному праву церкви на розничную торговлю.

Заключение

Выявленные исторические сюжеты позволяют говорить об организации взаимодействия органов городской полиции и церкви как в области поддержания городского благочиния, православной морали среди обывательского и военно-служилого общества, так и в сфере исполнения властных интересов и исполнения наказаний. Обеспеченная достаточным уровнем полномочий полиция была важным институтом защиты прав православной церкви от негативного общественного отношения, слушаний, а также содействовала исполнению обязательных религиозных обрядов, понуждала общество к посещению церкви и поддерживала её монопольные права. Внутренняя переписка церкви и полиции по различным вопросам в целом наводит на мысль о полном переходе церкви в разряд управленческого института власти. Полиция и церковь на протяжении XVIII – начала XX вв., таким образом, являясь бюрократическими структурами, были основными элементами поддержания благочиния в городах империи, осуществляемого путём принуждения общества к исполнению

обязательных постановлений правительства. Принуждение к соблюдению православной морали в обществе (иногда полицейскими средствами – аресты, принуждения, штрафы) не могло не вызывать недовольства и, в конечном итоге, стало причиной разочарования общества как в деятельности полиции, так и в деятельности церкви.

Библиографический список

1. Витте, С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II: в 2х томах / С. В. Витте. – Берлин: Слово, 1922. – Том I. – 512 с.
2. Государственный архив Республики Бурятия. Ф. 11. Оп. 1. Д. 3; Оп. 4. Д. 345.
3. ГАРБ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 44, 5876.
4. ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 108, 144, 457.
5. ГАРБ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 19, 69, 470, 506, 518; Оп. 2. Д. 3, 85.
6. ГАРБ. Ф. 128. Оп. 1. Д. 1314.
7. Дорская, А.А. Соотношение полицейского (административного) и церковного права в Российской империи / А.А. Дорская // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – № 72. – С. 175–184.
8. Евтехов, Р.А. Взаимодействие городской полиции и духовного правления города Верхнеудинска / Р.А. Евтехов // Православие и дипломатия в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. – Улан-Удэ: Бурятский гос. ун-т, 2015. – С. 110–115.
9. Жалсараев, А.Д. История православия в Забайкалье (середина XVII – начало XX вв.) / А.Д. Жалсараев. – Улан-Удэ: ОАО «Республиканская типография», 2015. – 264 с.
10. Кальмина, Л.В., Малыгина, О.А. «Желательно нарушение обособленной сплочённости инородцев...» (инородческий вопрос в представлениях военных губернаторов Забайкальской области) / Л.В. Кальмина, О.А. Малыгина // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. – 2016. – № 15. – С. 39–49.
11. Митьпова, Г.С. Православная культура Забайкалья – приходская община как основа инкультурационной динамики (XVII–XIX вв.) / Г.С. Митьпова // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2006. – № 2–1 (26). – С. 177–182.
12. Паликова, Т.В. Православная церковь в социокультурном пространстве городов Забайкалья конца XIX–XX века / Т.В. Паликова // Историческая наука и историческое образование на Дальнем Востоке: сб. науч. ст. – Владивосток: Дальневосточный государственный университет, 2009. – С. 300–305.
13. Паликова, Т. В. Церковь в городском пространстве Забайкалья конца XIX – начала XX века / Т. В. Паликова // Вестник Томского государственного университета. История. – 2011. – № 2. – С. 106–111.
14. Постников, И.Н. Записки Бежецкого городского старосты. Черты городского общественного быта конца XVIII столетия / И.Н. Постников. – Тверь: Типо-Литография М.В. Блинова, 1914. – 19 с.
15. Пулькин, М.В. Православный приход и власть в середине XVIII – начале XX в. (по материалам Олонецкой епархии) / М.В. Пулькин. – Петрозаводск: Изд-во Карельский научный центр РАН, 2009. – 422 с.

Текст поступил в редакцию 17.12.2019.

Принят к публикации 03.02.2020.

Опубликован 30.06.2020.

¹ Член причта церкви; общее название всех клириков, за исключением священника и диакона: дьяков, чтецов, псаломщиков, пономарей.

References

1. Vitte S.Ju. *Vospominanija. Carstvovanie Nikolaja II: v 2h tomah* [Memories. The Rule of Nikolai II: in 2 vols.]. Berlin: Slovo, 1922, vol. I, 512 p. (in Russian).
2. *Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Burjatija* [State Archive of the Republic of Buryatiya]. Fund 11. Inventory 1. File 3; Inventory 4, File 345 (in Russian).
3. *Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Burjatija* [State Archive of the Republic of Buryatiya]. Fund 20. Inventory 1. Files 44, 5876 (in Russian).
4. *Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Burjatija* [State Archive of the Republic of Buryatiya]. Fund 88. Inventory 1. Files 108, 144, 457 (in Russian).

5. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Burjatija [State Archive of the Republic of Buryatiya]. Fund 90. Inventory 1. Files 19, 69, 470, 506, 518; Inventory 2. File 3, 85 (in Russian).
6. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Burjatija [State Archive of the Republic of Buryatiya]. Fund 128. Inventory 1. File 1314 (in Russian).
7. Dorskaja A.A. *Izvestija RGPU im. A.I. Gercena* [Bulletin of Herzen Russian State Pedagogical University]. 2008, no. 72, pp. 175–184 (in Russian).
8. Evtehov R.A. *Pravoslavie i diplomatija v stranah Aziatsko-Tihookeanskogo regiona: mat-ly mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Orthodoxy and Diplomacy in APR Countries: Proc. of International Science and Practice Conference]. Ulan-Ude: Burjatskij gos. un-t, 2015, pp. 110–115 (in Russian).
9. Zhalsaraev A.D. *Istorija pravoslavija v Zabajkal'e (seredina XVII – nachalo XX vv.)* [History of Orthodoxy in Transbaikalia (mid. 17th – early 20th centuries)]. Ulan-Ude: “Respublikanskaja tipografija” Publ., 2015, 264 p. (in Russian).
10. Kal'mina L.V., Malygina O.A. *Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija* [Bulletin of Irkutsk State University]. 2016, no. 15, pp. 39–49 (in Russian).
11. Mitypova G.S. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk State Technical University]. 2006, no. 2–1(26), pp. 177–182 (in Russian).
12. Palikova T.V. *Istoricheskaja nauka i istoričeskoe obrazovanie na Dal'nem Vostoke: sb. nauch. st.* [Historical Science and Historical Education in the Far East: Collection of Papers]. Vladivostok: Dal'nevostochnyj gosudarstvennyj universitet, 2009, pp. 300–305 (in Russian).
13. Palikova T.V. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija* [Bulletin of Tomsk State University. History]. 2011, no. 2, pp. 106–111 (in Russian).
14. Postnikov I.N. *Zapiski Bezheckogo gorodovogo starosty. Cherty gorodskogo obshhestvennogo byta konca XVIII stoletija* [Notes of Bezhekov Town Head. The Features of Urban Social Life of the Late 18th Century]. Tver: Tipo-Litografija M.V. Blinova, 1914, 19 p. (in Russian).
15. Pul'kin M.V. *Pravoslavnyj prihod i vlast' v sredine XVIII – nachale XX v. (po materialam Oloneckoj eparhii)* [Orthodox Parish and Authorities in the Mid-18th – Early 20th Centuries]. Petrozavodsk : Izd-vo Karelskij nauchnyj centr RAN, 2009, 422 p. (in Russian).

Submitted for publication: December 17, 2019.

Accepted for publication: February 3, 2020.

Published: June 30, 2020.